

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

«Silentium!»

Вряд ли какое-либо другое произведение Тютчева подвергалось такому множеству противоречивых интерпретаций, как его гениальное стихотворение «Silentium!» («Молчание!»). Стихотворение состоит из 18 строк, разделенных на три шестистишия, каждое из которых относительно самостоятельно и в смысловом, и в интонационно-синтаксическом отношении. Связь этих трех частей — только в развитии лирической темы. Из формальных средств в качестве скрепляющего эти три части начала можно отметить однородные концевые рифмы — точные, сильные, мужские, ударные — и рифмуемые ими последние в каждом из трех шестистиший строки. Главное, что соединяет все три части в художественное целое, — интонация, ораторская, дидактическая, убеждающая, призывная и приказывающая. «Молчи, скрывайся и тай» — непререкаемое повеление первой же строки повторяется еще трижды, во всех трех шестистишиях. Первая строфа — энергичное убеждение, приказ, волевой напор.

Во второй строфе энергия напора, диктата ослабевает, она уступает интонации убеждения, смысл которого в том, чтобы разъяснить решительные указания первой строфы: почему чувства и мечты должны таиться в глубине души? Идет цепочка доказательств:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Речь идет о коммуникабельности, о возможности одного человека передать другому не мысли — это легче, — а жизнь своей души, своего сознания и подсознания, своего духа, — того, что не сводится к разуму, а гораздо шире и тоньше. Чувство, оформленное в мысль словом, будет заведомо неполным, а значит, ложным. Недостаточным, ложным будет и понимание тебя другим. Пытаясь рассказать жизнь своей души, свои чувства, ты только все испортишь, не достигнув цели; ты только встревожишь себя, нарушишь цельность и покой своей внутренней жизни.

В первой строке третьей строфы содержится предостережение о той опасности, которую несет в себе сама возможность соприкосновения двух несовместимых сфер — внутренней и внешней жизни: «Лишь жить в себе самом умей...». Это возможно:

Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи.

Таинственно-волшебные думы» возвращают мысль к первой строфе, так как они аналогичны «чувствам и мечтам», которые, как живые существа, «и встают, и заходят», — то есть это не мысли, это мечтания, ощущения, оттенки душевных состояний, в совокупности своей составляющие живую жизнь сердца и души. Их-то и может «оглушить» «наружный шум», разогнать «дневные» «лучи» — вся сумятица «дневной» житейской суеты. Поэтому и нужно беречь их в глубине души; лишь там они сохраняют свою гармонию, строй, согласное «пенье»: «Внимай их пенью — и молчи!»

Таково содержание этого совершеннейшего создания тютчевской философской лирики. Оно целостно и гармонично. Стоит сосредоточить внимание только на афоризме «Мысль изреченная есть ложь» — и стихотворение будет говорить уже о вечной разобщенности людей, и в таком качестве будет живо и актуально для человека всех эпох, потому что поведает нам о том, что коренится в самой природе человека.